

НАРОДЫ СССР

Б. А. Калоев. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. 248 с., илл., карты.

Метод картографирования явлений и элементов бытовой культуры в последние годы находит в советской этнографической науке все большее применение¹. И это вполне понятно. Фиксация народной культуры на карте открывает новые возможности для ее изучения: помогает установить ареал культурных явлений, выявить в культуре общее и локальное, проследить динамику изучаемых явлений (картографирование по историческим периодам) и т. п. Таким образом, важность использования в этнографических работах метода картографирования вполне очевидна. Однако несмотря на расширение фронта работ в этом плане, все-таки нельзя сказать, что этнографическое картографирование, осуществляемое по отдельным историко-культурным регионам, достигло достаточного размаха. В полной мере сказанное относится и к Кавказу. Поэтому выход в свет рецензируемой монографии Б. А. Калоева, в которой широко используется метод картографирования, представляется важным событием не только в этнографическом кавказоведении. Опубликованная книга — это как бы подход к региональному Северокавказскому атласу. А это очень существенно, так как именно материалы региональных атласов послужат в дальнейшем базой для общекавказского историко-этнографического атласа.

Монография Б. А. Калоева — первое обобщающее исследование по истории земледелия народов Северного Кавказа, в котором автор подробно характеризует весь комплекс хозяйственных явлений и связанных с ними идеологических представлений. Свое этнографическое описание Б. А. Калоев начинает от древнейших эпох — зарождения земледелия на Северном Кавказе — и доводит до современности. В работе говорится о системах земледелия, орудиях труда, используемых в земледельческих работах, о сельскохозяйственных культурах, о народных верованиях и обрядах, связанных с земледелием. Каждой из названных проблем посвящена отдельная глава. В книге имеются также предисловие, заключение и приложение в виде 13 таблиц-карт (на них мы остановимся далее).

Уже простой перечень вопросов, рассматриваемых в монографии, говорит о масштабе предпринятого исследования. Столь же обширна источниковедческая база монографии. Основанный на тщательном изучении и обобщении массы разнообразных исторических источников труд Б. А. Калоева вводит в научный оборот многие, ранее не использованные документы из архивов Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Орджоникидзе и других городов, этнографические полевые материалы, собранные автором в 1964—1973 гг. во всех историко-культурных областях Северного Кавказа, материалы северокавказских краеведческих музеев и Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде; исчерпывающе использована автором также обширная кавказоведческая литература, в том числе периодическая печать. Многочисленные иллюстрации, выполненные на хорошем уровне, составляют в книге не просто иллюстративный фон, а органическую часть монографии.

Возвращаясь к теме исследования, хочется прежде всего напомнить важную мысль, высказанную еще акад. Н. И. Вавиловым: «Кавказ является одним из древних мировых очагов земледелия, ставших родиной важнейших культурных растений». Б. А. Калоев, опираясь на данные археологии, считает возможным отнести возникновение земледелия на Северном Кавказе к эпохе неолита. Не останавливаясь подробно на историческом очерке (с. 6—53), отметим только, что в нем с достаточной для такого рода работы полнотой характеризуются основные этапы развития земледелия от древнейших эпох до наших дней. Автор приводит некоторые материалы об изучении кавказского земледелия в XIX — начале XX в., в частности о деятельности в 1850—1890-х годах «Кавказского общества сельского хозяйства» (с. 41—44). Такого рода экскурсы нужны не только в плане исследования основной проблемы — северокавказского земледелия. Не менее интересны они как характеристика одного из этапов истории академического кавказоведения.

Значимы приводимые в этом разделе данные по современному состоянию некоторых традиционных форм земледелия у народов Северного Кавказа (с. 45—47). Естественный процесс переселения северокавказских горцев на равнину, усилившийся во второй половине XIX в. и очень активный в 1920—1930-е годы, способствовал запустению многих горных районов и упадку горного земледелия. Для поднятия этой важной отрасли хозяйства, подчеркивает автор, нужно многое. «Возрождение и развитие горного земледелия на Северном Кавказе, — пишет он, — является важной хозяйственной задачей, требующей для своего осуществления ряда серьезных мероприятий» (с. 47). В настоящее время внимание государственных органов, а также специалистов сельского хозяйства обращено к этим пустующим землям как к дополнительному источнику и резерву годных ко «вторичному» освоению площадей, причем не только на Северном Кавказе, но и в горных районах соседней Грузии.

Вторая глава работы посвящена традиционным системам земледелия, складывавшимся веками под влиянием природно-географического, культурно-исторического, этнического и других факторов. Системы земледелия автор рассматривает в соответствии с

¹ См., например: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1971; 1974; 1975; 1977; 1978; Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев: Наукова думка, 1981.

вертикальной зональностью, которая, как известно, сыграла большую роль в формировании местного земледелия. При этом Б. А. Калоев следует принятому в кавказоведении разделению на три зоны: высокогорную, горную и равнинную. В намеченных зонах характеризуются переложно-залежная, подсечная, паровая и другие системы земледелия, а также традиционные способы орошения, внесения удобрений и т. д.

В третьей главе рассматриваются важнейшие для Северного Кавказа сельскохозяйственные культуры, в первую очередь ячмень, пшеница, рожь, просо. И здесь, как и в предшествующей главе, материал излагается соответственно принципу вертикальной зональности. Вслед за Н. И. Вавиловым автор подчеркивает доминирующую роль горного земледелия в процессе аккультурации многих видов злаков, причем делает вывод (он представляется справедливым), что горное земледелие в силу определенных исторических условий по сравнению с равнинным до 70—80-х годов XIX в. имело более высокий уровень развития. В главе приводятся также сведения по истории возделывания народами Северного Кавказа огородных культур и картофеля, по развитию у них садоводства.

В четвертой главе монографии достаточно подробно, с привлечением археологических и этнографических материалов характеризуются орудия обработки почвы. Важный принцип вертикальной зональности выдерживается и в данной главе. Однако автор связывает особенности орудий обработки почвы не только с вертикальной зональностью, но и с определенными культурно-этническими традициями, что представляется весьма верным. Напомним, что некоторые исследователи в ходе прошедшей дискуссии 1960—1970-х годов по вопросам агроэтнографии отрицали значение этнического фактора в сложении различных типов орудий труда или по крайней мере неоправданно преуменьшали его роль². Б. А. Калоев выделяет различные виды мотыг-землекопалок, пахотных орудий, волокуш, борон, мотыг-тяпок и др. Наиболее детально рассмотрены пахотные орудия, изображения которых представлены в особой таблице.

В этой главе дан небольшой глоссарий, сделанный автором в виде таблиц, который содержит названия зерновых и огородно-бахчевых культур, распространенных у народов Северного Кавказа. Исходя из этнографических данных, Б. А. Калоев считает, что наиболее распространенным типом пахотного орудия в горной зоне Северного Кавказа было безотвальное орудие типа рала, а на равнине — тяжелый плуг. В главе приводятся некоторые материалы по коллективной обработке земли — супряге — обычаю, широко принятому у народов Северного Кавказа и сохранявшемуся в крае вплоть до коллективизации.

В отдельной главе монографии исследуются орудия и способы уборки зерновых, молотьбы, веяния зерна; в ней же рассказывается о помещениях для хранения зерна и способах его дальнейшей обработки. И здесь автор строго придерживается принятого им ранее рассуждения материала в соответствии с принципом вертикальной зональности. Наиболее древним приемом обработки злаков было вытаптывание зерен из снопов копытами животных. Как правило, для этого использовали крупный рогатый скот, реже коней. Молотьба, подчеркивает автор, была у народов Северного Кавказа единственным сельскохозяйственным процессом, в котором наряду с крупным рогатым скотом пользовались и лошадьми. Участие же последних в других сельскохозяйственных работах (в пахоте, бороновании и др.) по обычаю считалось недопустимым вплоть до конца XIX в. Возможно, что в основе подобной специфики лежат древние сакрально-магические запреты на использование человеком в хозяйственной деятельности того или иного животного, как это можно было видеть у тех же народов Северного Кавказа в традиционной уборке злаков, производимой только с помощью серпов.

Завершают главу материалы о разнообразных зернохранилищах. Древнейшим и универсальным зернохранилищем у большинства народов изучаемого региона была зерновая яма. Автор описывает и другие типы зернохранилищ, в частности долбленые деревянные колоды, бытовавшие лишь в горной Чечне.

Заключительная глава монографии содержит материалы по верованиям и обрядам, связанным с земледельческой деятельностью народов Северного Кавказа. Это почитание различных божеств аграрного культа, магические способы вызывания дождя, обряды, сопровождавшие полевые работы, и т. п. В наиболее архаической форме, как отмечает автор, эти обычаи и обряды длительное время сохранялись среди жителей горной зоны. Б. А. Калоев, в частности, приводит материалы, связанные с божествами — покровителями земледелия. Все они у различных северокавказских народов известны под разными именами, выполняли единую функцию: обеспечение урожая и сохранение его от стихийных бедствий. В главе исследуются также обряды, связанные с вызыванием дождя, обычаи жертвоприношения, приуроченные к началу полевых работ, ритуальные песни и танцы и т. п. Из цикла календарных обычаев и обрядов интересны проведение первой борозды, выезд и возвращение с пахоты и др. Большинство из рассматриваемых автором обычаев и обрядов характерно для всех народов Северного Кавказа (например, проведение первой борозды). Имелись и локальные варианты (как «хлебный день» у осетин). Более того, все эти обычаи, обряды, народные верования не замыкались в историко-культурных границах Северного Кавказа, а выходили далеко за его пределы.

² См. материалы этой дискуссии: Громов Г. Г., Новиков Ю. Ф. Некоторые вопросы агроэтнографических исследований.— Сов. этнография (далее СЭ), 1967, № 1; Сабурова Л. М. По вопросу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова...— СЭ, 1967, № 6; Суринов В. М. К определению этнических традиций в земледелии.— СЭ, 1971, № 5; Бежкович А. С. Еще раз об агроэтнографических исследованиях.— СЭ, 1971, № 5 и т. д. Редакционная статья, подводящая итоги дискуссии,— СЭ, 1976, № 3.

В «Заключении» подытоживаются результаты исследования. Автор фиксирует здесь также внимание на некоторых важных кавказоведческих вопросах. Например, на культурных взаимовлияниях горцев и русских Северного Кавказа, которые никогда не были односторонними. Благодаря давним историческим связям горцы от русских узнали о разведении и выращивании ряда сельскохозяйственных культур, а в развитии земледелия у северокавказских народов равнинной зоны большую роль сыграли различные типы орудий, завезенные русскими переселенцами (например, тяжелый передковый плуг, рамочные бороны, мотыги, косы и др.). В свою очередь русские переселенцы восприняли от своих северокавказских соседей немало культурно-хозяйственных навыков в новом для них крае со своими специфическими природными особенностями: способы возделывания ряда культур, местные типы сельскохозяйственных орудий — легкий горский плуг, волокуша и др.

Другой важный вопрос, поднимаемый автором в «Заключении» и затронутый ранее, — роль этнокультурных традиций в развитии земледелия (особенно в становлении различных типов пахотных орудий). Б. А. Калосв занимает в данном вопросе вполне определенную позицию, всем материалом книги доказывая связь земледелия народов Северного Кавказа с давними и самобытными этническими традициями в этой области.

Заключая исследование, автор вновь подчеркивает мысль о необходимости развития на Северном Кавказе традиционных форм земледелия, о возрождении горных районов края.

Важную часть рецензируемой монографии составляют карты-таблицы. Материал, представленный в них, хронологически относится к двум периодам: к середине XIX и концу XIX в.— 1920-м годам. Принцип этот выдерживается не всегда, что, видимо, обусловлено состоянием необходимых для составления карт данных. Так, часть материалов (табл. 4, 6) совмещена на одной карте второй половины XIX в.— 1920-х годов. Вне временных данных картографируются религиозные верования и обряды.

Карты-таблицы несут очень большую нагрузку. В основу их положено дореволюционное административное деление Северного Кавказа; учтено также расселение местных народов. Значками разной формы и размера обозначены картографируемые элементы культуры. Таким образом, автор старается дать представление о преобладании, бытовании и единичности на Северном Кавказе в определенный хронологический период того или иного элемента культуры. Иногда на карте совмещены элементы земледельческой культуры, которые, видимо, лучше было бы представить на разных картах. Таковы карты I и Ia, где даны системы земледелия и способы удобрения. Сравнительно небольшой размер карт (этот упрек скорее адресован издательству «Наука») и насыщенность материалом мешают их свободному чтению.

Некоторые недочеты рецензируемой книги в известной мере объясняются состоянием к настоящему времени исторических источников, которые не всегда дают возможность с достаточной достоверностью осветить все вопросы истории северокавказского земледелия. Автор справедливо отмечает, что время появления водяных мельниц на Северном Кавказе пока не установлено (с. 163). Однако, исходя из фольклорных данных, он считает возможным отнести появление этого вида мельниц к глубокой древности (с. 169), а на с. 16 без ссылок на источники датировать поздним средневековьем.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что научное значение рецензируемой монографии в том, что в ней в наиболее полной и систематизированной форме впервые собраны и исследованы материалы по истории становления и развития земледелия у народов Северного Кавказа. Книга имеет и практическое значение. Не случайно она принята Горским сельскохозяйственным институтом г. Орджоникидзе в качестве учебного пособия для студентов.

Л. Б. Заседателева

Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. 136 с.

В ряду эпических произведений фольклора, пользующихся мировой известностью, почетное место занимает нартский героический эпос.

Отличительная особенность нартского эпоса — его интернациональность: он известен и народам Северного Кавказа, и абхазам. Тем не менее, рассматривая вопрос об истоках эпоса, многие исследователи склоняются к мнению, что первоначальное ядро сказаний о богатырях-нартах зародилось в среде ираноязычных предков осетин — скифов и сарматов. В разное время это было блестяще показано в работах таких известных нартоведов, как Вс. Ф. Миллер, В. И. Абаев, Ж. Дюмезиль и многих других.

В предлагаемой вниманию читателей новой работе В. А. Кузнецова проблема «историзма» нартского эпоса получила дальнейшее аргументированное развитие. Опираясь на хорошо знакомые ему археологические материалы, автор убедительно показал, что нартский эпос в основе своей, несомненно, историчен. Он отражает определенные ступени в жизни народов края, в том числе и сложные взаимоотношения иранских племен и древних аборигенов Северного Кавказа, которые, видимо, внесли определенный вклад в формирование эпоса. Так, в главе I — «К истории проблемы» В. А. Кузнецов пишет: «Признавая наличие в нартском эпосе общетюркских и некоторых возможных монгольских элементов и заимствований, мы вместе с тем считаем его в основе своей самобытным творением осетинского народа и его этнических предков, развивавшимся в течение длительного времени на почве местной кавказской мифологии и в жи-